

UNITED WISDOM

Язык и восприятие: как слова направляют внимание

Мир и сознание

Andrey Zarinsh & Maria Evilkut

W42 · RU

@andrey.zarinsh @ilkutki

Язык и восприятие: как слова направляют внимание

Эпиграф

Произнесённые слова — символы душевного опыта.

Аристотель, «Об истолковании», часть 1, 16a3–4; собственный перевод United Wisdom из английского перевода E. M. Edghill. В оригинале выбранной версии: “Spoken words are the symbols of mental experience”. Речь здесь идёт о знаках и опыте, а не о доказанной власти языка над каждым ощущением.

О чём эта статья

Два человека смотрят на один пейзаж и замечают разное. Один называет оттенки, другой узнаёт растения, третий ищет следы дождя. Знакомые слова могут дать различиям удобные границы, но из этого не следует, что без названия человек ничего не видит или что его язык запирает его в отдельном мире. Эта статья исследует более точный вопрос: как название становится приглашением обратить внимание и когда оно превращается в преждевременный вывод. Мы различим ощущение, категорию, суждение и сообщение другому; рассмотрим ограниченный эксперимент с русскими обозначениями синего, а затем сопоставим несколько философских и религиозных текстов о слове и имени. Их разные задачи сохранятся: логика высказывания, обучение речи, устройство совместного дела и предел называния. Практический результат — способ уточнять собственное описание, не объявляя любое слово ошибкой и не требуя от человека отказаться от его языка, культуры или важного для него понятия.

I. Что именно появляется вместе с названием

Название позволяет выделить различие и вернуться к нему. В условной сцене два человека выбирают ткань для штор. Один говорит, что оба образца синие; другой различает холодный голубой и глубокий синий. Первый не обязательно хуже видит цвета. Он может пользоваться более общей категорией, потому что сейчас решает другую задачу: подходит ли ткань к светлой комнате. Второй уже сравнивает оттенки. Когда они уточняют вопрос, становится ясно, что разногласие касается не только глаз, но и выбранного масштаба описания. Назвать, различить и предпочесть — три отдельных действия. Ни одно из них не следует автоматически из двух остальных, хотя в разговоре они часто помещаются в одну короткую фразу.

Слово может выступать своего рода закладкой. Оно не помещает предмет в сознание вместо самого предмета, а помогает узнать, к какому различию стоит вернуться. Допустим, человек впервые слышит техническое название детали велосипеда. После этого он может задать более точный вопрос мастеру и заметить, какая часть движется. Однако название не обеспечивает правильного понимания механизма. Можно выучить слово и по-прежнему спутать детали; можно хорошо ремонтировать знакомую вещь, не зная принятой терминологии. Поэтому полезность словаря оценивается по тому, какие действия, вопросы и проверки он делает доступными, а не по впечатлению учёности от длинного перечня обозначений. Слово открывает возможность, которая ещё требует встречи с предметом.

Обратная сторона той же удобной закладки — незаметное закрытие вопроса. Получив название, мы иногда перестаём смотреть. Фраза «это просто усталость» может быть описанием знакомого состояния, предположением о причине или способом завершить разговор. Чтобы понять её роль, нужно спросить, что именно она объясняет и что оставляет невыясненным. В этой статье такое предложение рассматривается как бытовая речь, без вывода о здоровье конкретного человека. Само наличие подходящего слова не превращает предположение в установленную причину. Внимание направляется точнее, когда название сохраняет связь с наблюдаемыми признаками и допускает пересмотр; оно сужается, когда название начинает освобождать нас от необходимости заметить оставшееся за его пределами.

II. Ощущение, категория и суждение

Не всякое употребление слова является утверждением о мире. Аристотель в первых частях «Об истолковании» различает отдельное имя и высказывание, в котором что-либо утверждается или отрицается. Для нашего вопроса это полезная отправная точка: услышать «синий» ещё не значит узнать, что предмет синий, что он такого же оттенка, как другой, или что этот цвет выбран правильно. Философ исследует устройство высказывания; его текст не является современным экспериментом о зрении. Мы используем различение, чтобы не приписывать одному слову всю работу наблюдения, классификации и проверки. Когда эти действия разнесены, становится легче увидеть, на каком шаге возникло действительное расхождение между собеседниками.

Ощущением здесь назовём переживание конкретного присутствующего цвета, звука или прикосновения. Категорией — способ отнести встреченное к определённому классу. Суждением — утверждение, которое можно обсуждать как верное, ошибочное или недостаточно обоснованное. Это рабочие различения статьи, а не полная теория психики. Человек может заметить необычный звук раньше, чем найдёт для него имя; может назвать звук знакомым словом, но ошибиться в его источнике; может верно

указать источник и всё же не знать, опасен ли он. В каждом случае требуется своя проверка. Просьба подобрать другое слово не заменяет осмотр предмета, а точное наблюдение не решает автоматически вопрос о последствиях.

В условном рабочем разговоре коллега говорит: «Он ответил агрессивно». Эта фраза уже содержит оценку, а не только регистрацию звука. Можно уточнить громкость, слова, прерывания и контекст; затем выяснить, что собеседник понимает под агрессией. Уточнение не требует отрицать его впечатление или утверждать, что оно ошибочно. Оно помогает отделить услышанное от его объяснения и от следующего решения. Для одного вопроса достаточно знать, что разговор неприятен; для другого важно установить конкретное нарушение договорённости. Слово остаётся полезным, если его масштаб соответствует задаче. Оно становится ловушкой, если от общей категории незаметно переходят к знанию чужого намерения, которого никто непосредственно не наблюдал.

III. Что показывает эксперимент с русскими оттенками синего

У языка бывает измеримое участие в конкретной задаче, но это ещё не всеобщая власть над восприятием. В работе Winawer и коллег 2007 года участвовали 26 носителей русского и 24 носителя английского. Они быстро сопоставляли цветные квадраты. У русскоязычной группы возникало преимущество для различий между привычными категориями синего и голубого; словесная дополнительная задача его устраняла. Речь о времени ответа в заданных условиях, не о неспособности англоязычного человека увидеть оттенки. Работа допускает участие языковых категорий в выполнении задачи; она не устанавливает, что любой язык полностью определяет доступную его носителю реальность.

Почему этот ограниченный результат всё же интересен? Потому что он позволяет поставить вопрос о процессе, а не только о наличии слова в словаре. Если бы языковая граница раз и навсегда меняла все доступные зрительные различия, её участие не зависело бы столь заметно от текущих условий выполнения задания. Однако не следует превращать это рассуждение в окончательное объяснение всех механизмов зрения: отдельная экспериментальная манипуляция проверяет конкретную гипотезу внутри определённого дизайна. Для читателя значимо более скромное следствие. Между «слова никак не участвуют» и «слова создают всё увиденное» остаётся пространство проверяемых частных вопросов. Именно в нём можно исследовать, какое различение используется, когда оно помогает и что меняет способ выполнения задачи.

К бытовой сцене с тканями возвращаемся с меньшей уверенностью в универсальных лозунгах и с большим интересом к конкретике. Нельзя по результатам цветового задания

заключить, что в каждом споре достаточно переименовать предмет, чтобы изменить переживание. Нельзя также выстроить иерархию культур по количеству доступных им обозначений. В нашем примере полезнее предложить людям посмотреть на оба образца при одном освещении, назвать нужный для выбора признак и проверить его. Название оттенка помогает координации; сам материал, свет и задача продолжают иметь значение. Исследование не отменяет этого обычного контакта с вещью, а напоминает, что процесс сравнения может включать больше участников, чем один условный «чистый глаз».

IV. Как совместная сцена помогает слову получить смысл

Слово становится понятным через употребление, а не только через формальное определение. Августин в первой книге «Исповеди» вспоминает обучение речи через звуки, указания, жесты и происходящее вокруг. Это религиозная автобиография, не эксперимент с детской выборкой. Фрагмент важен как описание сцены, где имя встречается с направлением взгляда и действия. Взрослый читатель тоже может знать словарный перевод и всё же не понимать, что делает выражение в конкретном разговоре. Просьба объяснить употребление поэтому не обязательно свидетельствует о бедном словаре: иногда недостаёт ситуации, которую собеседники по ошибке считают общей и очевидной.

Представим условную встречу людей из разных рабочих сред. Один предлагает «согласовать» документ и ожидает окончательного разрешения действовать. Другой понимает под этим предварительное обсуждение замечаний. Слово знакомо обоим, но ожидаемые действия расходятся. Чтобы восстановить общий смысл, мало заменить его синонимом. Нужно уточнить, кто принимает решение, какие изменения ещё возможны и что означает следующий ответ. Когда это сделано, слово снова оказывается коротким средством связи. Без такого уточнения оно лишь маскировало отсутствие договорённости. Здесь наблюдение направляется не на внутреннюю сущность слова, а на происходящее между людьми: действие, последовательность, полномочие, результат и возможность исправить понимание до того, как из него возникнет дорогое решение.

У контекста есть предел: он не разрешает приписывать выражению любой удобный смысл. Если значение каждый раз можно менять без предупреждения, общего языка для проверки обещаний не останется. Поэтому важно различать уточнение и подмену. Уточнение делает прежнюю неопределённость видимой и позволяет проверить, действительно ли участники согласны с новым описанием. Подмена объявляет, что другой человек всегда должен был понимать именно так, хотя раньше это не было сказано. В первом случае слово становится точнее; во втором его удобство превращается в способ уклониться от ответственности. Внимание к ситуации означает не

отказ от устойчивых значений, а выяснение того, какие значения участники реально использовали в этой встрече.

V. Когда общий словарь скрывает разные понятия

Совпадение звуков ещё не обеспечивает совпадения мысли. Локк в книге III «Опыта о человеческом разумении» связывает слова с идеями говорящего и обсуждает трудности их передачи другому. Здесь нам нужна ограниченная мысль о коммуникации, без принятия всей философской системы автора. Если два человека произносят «свобода», они могут говорить о разных отношениях: доступном выборе, отсутствии принуждения, материальной возможности или признанном полномочии. Иногда различия совместимы, иногда порождают действительный спор. Пока они не раскрыты, одинаковое слово создаёт видимость согласия либо разногласия там, где участники ещё не назвали предмет своего утверждения достаточно определённо.

Такое уточнение не сводит серьёзную проблему к семантической игре. В условной семье один участник просит больше самостоятельности, другой обещает её предоставить. Но самостоятельность для первого означает право самому решать время возвращения, а для второго — возможность выбрать занятие внутри неизменного расписания. После уточнения может выясниться, что спор реален: речь о границах контроля. Языковая работа не устранит его вместо участников, зато позволит обсуждать существующую развилку. Без неё они могли бы долго повторять одну фразу, воспринимая каждый повтор как доказательство упрямства другого. Назвать содержание требования — значит сделать разногласие доступным для решения, а не гарантировать лёгкое решение или заранее установить, какая сторона права.

Полезный признак такого содержания — возможность привести случай применения и случай неприменения. Если «уважение» означает согласие со мной в любой ситуации, это одно требование; если оно означает отказ от унижения при допустимом несогласии, другое. Можно проверить различие на условном примере, не объявляя человека носителем скрытого дефекта. Иногда слово содержит несколько значений одновременно, и тогда нужно удержать их, а не выбрать одно ради простоты. Для разговора достаточно рабочей точности: какой смысл сейчас меняет решение? Не требуется законченная теория каждого термина. Нужна прозрачность там, где от привычного обозначения переходят к ожиданию конкретного поведения, праву требовать его или оценке уже случившегося действия.

VI. Имена, роли и возможность действовать вместе

Названия не только описывают увиденное: они могут связывать внимание с обязанностью. В «Лунь юй» XIII.3 исправление имён обсуждается внутри вопроса об управлении и согласовании речи с делами. Это историческое конфуцианское рассуждение о порядке, а не современный эксперимент и не универсальный договор о равенстве участников. Для статьи оно открывает особый вопрос: что должно стать видимым, когда мы называем человека руководителем, посредником или ответственным? Важна не только точность вывески. Важно, какие действия ожидаются от роли и кто реально может их совершить, проверить или оспорить в существующем порядке отношений.

В условном проекте три человека считают, что есть «ответственный за качество». Но один имеет в виду автора документа, второй — проверяющего, третий — того, кто разрешает выпуск. Когда обнаруживается ошибка, все смотрят на разные фигуры. Новое название роли само по себе не закроет проблему. Нужно распределить действия и определить, какая проверка должна предшествовать какому решению. После этого слово может направлять внимание: если нужно уточнить замечание, обращаются к проверяющему; если изменить текст, к автору. Так язык участвует в координации, сохраняя связь с фактическими возможностями людей. При этом человек не исчерпывается своей ролью и может отказаться от нового поручения, которое не входило в прежнюю договорённость.

Опасность возникает, когда имя выдаёт желаемый порядок за фактический. Фраза «мы одна команда» может поддерживать совместное дело, а может скрывать, что решения принимает один человек, а последствия несут другие. Чтобы различить эти случаи, стоит посмотреть, кому доступно слово, информация, пересмотр и отказ. Это авторское применение вопроса о согласованности речи и дела, а не прямое перенесение конфуцианской политики в современный коллектив. Исторический текст помогает заметить связь названия с поступком; конкретные требования к нынешней договорённости участники должны определить отдельно. Когда название допускает такую проверку, оно делает отношения видимее. Когда оно запрещает её, красивое слово начинает занимать место ещё не подтверждённой общей реальности.

VII. Предел называния не означает бесполезность речи

Можно признать полезность слова и одновременно не принимать его за окончательный охват предмета. Первая глава «Дао дэ цзина» связывает называние с пределом неизменного имени внутри собственного даосского горизонта. Это не экспериментальное доказательство того, что словесные категории искажают любой опыт. Для нашей темы фрагмент служит возражением против полного отождествления имени и именуемого. У философского, религиозного или личного понятия может оставаться сторона, которую короткое обозначение не исчерпывает. Признать эту сторону — ещё не значит объявить её тайной, доступной только избранным, или запретить обсуждение того, что всё-таки можно уточнить и проверить.

Представим человека, который пытается описать переживание музыки. Слова «печаль», «простор» и «надежда» что-то передают, но не заменяют слушание. Два слушателя могут пользоваться разными словами и всё же узнавать важную часть опыта друг друга; могут употреблять одинаковые слова, но помнить разные моменты звучания. Выходом не обязательно становится молчание. Можно указать место в произведении, описать движение, сопоставить несколько выражений и оставить часть переживания открытой. Такое описание не претендует на исчерпывающую власть и потому способно быть точным в своей ограниченной роли. Оно помогает встрече, не требуя, чтобы другой человек пережил ровно то же самое и подтвердил единственный допустимый словарь ощущений.

Обращение к неназываемому тоже нуждается в дисциплине. Если кто-то утверждает, что его смысл невозможно объяснить, из этого не следует право требовать доверия к любому практическому решению. Можно уважать глубину его опыта и одновременно спрашивать о последствиях предложения, цене, обязательствах и возможности отказаться. Невыразимость переживания не делает невыразимыми все условия совместного действия. Здесь важно разделить интимную полноту опыта и проверяемую сторону отношений. Первую не обязательно доказывать собеседнику; вторую нельзя автоматически выводить из ссылки на духовную глубину. Предел слов сохраняет место для внимательного слушания, но не отменяет ясной речи там, где решение одного человека влияет на время, средства, труд или безопасность другого.

VIII. Эмоциональное слово и преждевременное объяснение

Слово о переживании может быть одновременно сообщением и приглашением к уточнению. В условной сцене человек говорит: «Мне тревожно перед встречей». Он уже дал важную информацию о своём опыте. Но эта фраза сама по себе не сообщает, какое событие ожидается, чего он опасается и что было бы полезно сейчас. Иногда достаточно признать сказанное; иногда требуется уточнить конкретную просьбу. Не стоит автоматически заменять его слово на будто бы более правильное, например «возбуждение» или «интерес». Такое переименование может быть предложено самим человеком, если ему подходит, но не должно лишать его авторства собственного описания и превращать разговор в проверку на владение одобренным словарём чувств.

Уточнение становится полезным, когда добавляет различие, меняющее следующий шаг. Можно спросить, тревожит ли неизвестность условий, возможный конфликт или необходимость выступать. Можно различить ощущение в теле, ожидание события и оценку своих возможностей, не объявляя их независимыми частями какого-то установленного механизма именно у этого человека. Если конкретики пока нет, неизвестное остаётся неизвестным. Иногда слово достаточно точное для текущей цели: сообщить, что встреча требует паузы или дополнительного времени. Не каждое переживание нужно немедленно раскладывать по категориям. Уважение к языку человека включает право пользоваться привычным выражением, если оно позволяет передать необходимое и не становится основанием для неподтверждённых выводов о нём.

И всё же общее название может скрывать разные возможности. «Не могу» бывает сообщением об отсутствии навыка, времени, желания, разрешения или о тяжести самого действия. Отличить эти смыслы важно, если от них зависит предложение помощи. Условная просьба составить план не подойдёт человеку, которому недостаёт полномочия; требование собраться не создаст отсутствующие ресурсы. Поэтому вопрос к слову следует из задачи, а не из стремления разобрать говорящего. Мы не ищем за каждым выражением тайный диагноз или универсальный паттерн. Мы пытаемся понять, какую реальную границу оно обозначает сегодня и достаточно ли она понятна обоим участникам, чтобы выбрать посильное действие или честно оставить действие пока невыбранным.

IX. Как расширить описание, сохранив его точность

Расширить словарь полезно, если новые слова открывают проверяемые различия. В условном посещении сада человек узнаёт названия нескольких растений и начинает замечать форму листа, расположение побегов и время цветения. Возможное изменение связано не с магией нового звука, а с тем, что название сопровождается примером и способом различения. Однако статья не обещает измеримого эффекта каждому читателю от такого упражнения. Можно сохранить тот же интерес без запоминания терминов; можно выучить названия, не начиная смотреть внимательнее. Стоит спрашивать, какое наблюдение стало доступным и можно ли вернуться к нему самостоятельно. Тогда знание слова остаётся средством связи с предметом, а не заменяет эту связь.

Полезно также изменить форму описания. Вместо «это плохой разговор» можно отдельно назвать цель, последовательность реплик и момент, когда стороны перестали понимать друг друга. Общая оценка не обязана исчезнуть: человеку по-прежнему может быть неприятно. Но рядом появляется описание, с которым можно работать. Разные формы речи отвечают разным задачам. Метафора передаёт качество опыта, хронология помогает увидеть последовательность, определение уточняет термин, вопрос открывает неизвестное. Ошибка начинается не с использования метафоры, а с незаметного превращения её в доказанную причину. Если роли выражений названы, можно пользоваться богатым языком, не делая каждую выразительную фразу ответственным заключением о мире или о другом человеке.

Расширение должно оставаться добровольным. Человеку не требуется принять чужую профессиональную терминологию, чтобы его опыт заслуживал внимания. Иногда новый термин помогает; иногда делает речь чужой и мешает сообщить важное. В таком случае можно договориться о собственном рабочем выражении и пояснить его смысл. Но если речь касается общего проекта, обещания или технической процедуры, частный язык нужно связать с доступным другим описанием. Иначе удобство одного участника станет неопределённостью для остальных. Здесь возникает баланс между свободой назвать опыт и необходимостью передать проверяемые условия дела. Его нельзя раз и навсегда решить запретом образных слов или требованием говорить только терминами одной школы, профессии, религии либо культуры.

X. Общий мир допускает несколько точных описаний

Несколько описаний одного события могут быть совместимыми, если они отвечают разным вопросам. В условной сцене дождь для садовника означает изменение условий полива, для путешественника — задержку, для слушателя у окна — определённое звучание. Эти отношения не делают сам дождь тремя отдельными событиями и не требуют свести опыт каждого к одному слову. Но если участники спорят, был ли дождь в конкретном месте, вопрос становится другим: нужны свидетельства события, а не только уважение к разным переживаниям. Языковое разнообразие не отменяет фактической проверки. Оно показывает, почему описание цели и перспективы помогает понять, что именно утверждает каждый человек и где их утверждения действительно несовместимы.

Из этого следует более требовательное понимание диалога. Недостаточно согласиться, что «у каждого своя правда», если от решения зависят общие последствия. Нужно установить, какие слова обозначают переживание, какие — наблюдение, какие — правило, а какие — ожидаемое действие. Затем проверить расхождения в подходящем масштабе. Если один говорит о собственном впечатлении, другой не обязан пережить его так же; если оба говорят о времени встречи, требуется договориться о часе. Точность здесь не означает стирание различий. Она позволяет сохранить их без превращения общей задачи в соревнование словарей. Уважительное уточнение может сделать спор более определённым и потому легче обсуждаемым, даже когда согласия по существу пока не возникает.

Возвращаясь к двум образцам ткани, мы теперь видим больше, чем вопрос о том, чей язык богаче. Можно различать цвет без готового имени, использовать имя для сравнения, согласовать задачу и обнаружить, что предпочтения остаются разными. Слова направляют внимание, когда помогают заметить признак, удержать вопрос и передать его другому. Их предел проявляется там, где название начинают принимать за предмет, а впечатление — за полный ответ о причине и последствиях. Выход не требует отказаться от языка. Он требует вернуть слову его работу и оставить предмету возможность поправить наше описание. В этой возможности пересмотра общий мир становится доступным для совместного наблюдения, а не только для обмена уже завершёнными уверенными формулировками.

Что это значит на практике

Можно выбрать одно обычное выражение из разговора, который ещё не завершён: «непонятно», «уважение», «готово», «слишком много». Запишите, к чему оно относится именно сейчас. Затем отделите наблюдаемое от предполагаемого: какая сцена действительно произошла, какую причину вы ей приписываете и чего ожидаете дальше? Не требуется сразу находить идеальную формулу. Полезнее получить описание, которое другой участник сможет уточнить или исправить, сохранив собственную позицию. Это авторское упражнение для разговора и чтения; его психологическая эффективность данным исследованием не устанавливается.

Подберите один условный пример, где выражение применимо, и один, где оно не подходит. Если речь о готовности документа, уточните, означает ли это завершение черновика, проверку или разрешение выпуска. Если речь о чувстве, сохраните собственное название и спросите, какая конкретика действительно нужна для вашей нынешней цели. Можно оставить часть опыта без слов. Не нужно превращать каждый разговор в допрос о терминах или требовать подробного объяснения от человека, который сейчас не хочет его давать.

При совместном деле вернитесь к фактической договорённости: кто делает следующий шаг, в какое время и как можно сообщить об изменении условий. После уточнения проверьте не только новое слово, но и понимание участников. Совпадение формулировок ещё не означает согласия; молчание не подтверждает принятую роль. Если выяснилось настоящее различие интересов, обсуждайте его отдельно. Языковая точность помогает увидеть развилку, но не решает её вместо людей. Завершить упражнение можно одной проверяемой фразой: «Под этим словом я сейчас понимаю вот это; остальное пока остаётся открытым».

Ключевая цитата

> *Имя, которое можно назвать, не есть постоянное и неизменное имя.*

«Дао дэ цзин», глава 1, фрагмент первого пункта; собственный перевод United Wisdom из версии James Legge: “The name that can be named is not the enduring and unchanging name.” Фрагмент отделён от предшествующей фразы о Дао. Это предел отождествления имени и именуемого внутри даосского текста, а не эмпирическая теория зрения.

Связи между традициями

1. **Знак и присутствующее.** Аристотель, «Об истолковании» 1–2, рассматривает имя как знак; «Дао дэ цзин» 1 ограничивает постоянство именуемого имени. Общая точка статьи — необходимость не отождествлять обозначение с исчерпывающим охватом предмета. Граница: Аристотель строит анализ высказывания, даосский фрагмент говорит о Дао и назывании; из сравнения не следует общая метафизика или теория восприятия.

2. **Слово и совместная сцена.** Августин, «Исповедь» I, описание обучения речи, и Локк, «Опыт» III.II.1–2, связывают речь с передачей содержания между людьми. Это помогает различить владение словом и понимание употребления. Августин обращается к Богу и вспоминает свою жизнь; Локк предлагает философское объяснение знаков. Оба фрагмента не являются независимыми экспериментами о развитии детей.

3. **Речь и действие.** «Лунь юй» XIII.3 соотносит правильность имени с возможностью осуществить дела; Августин I описывает слово вместе с направлением тела и жестом. Сходство касается включённости речи в ситуацию действия. Но конфуцианский текст посвящён историческому порядку управления, христианская автобиография — обучению и обращению автора к Богу. Современные полномочия участников из них не выводятся.

4. **Общее имя и конкретное различие.** Аристотель 1 отделяет имя от утверждения; работа Winawer et al. исследует выполнение конкретной задачи с языковыми категориями цвета. В обоих случаях важно выяснить, какую работу выполняет обозначение. Граница принципиальна: логическое различение не предсказывает экспериментальный результат, а результат цветового задания не подтверждает всю философию Аристотеля.

5. **Понятие и предел его передачи.** Локк III.II.1–2 обсуждает слова как знаки идей говорящего; «Дао дэ цзин» 1 ставит предел постоянному имени. Авторское пересечение — возможность уточнить выражение, сохранив неполный охват. Различаются основания: философская проблема коммуникации не равна даосскому вопросу о Дао. Нельзя объявлять всякое недопонимание следствием невыразимой духовной глубины.

6. **Уточнение имени и согласование дела.** Локк III.XI.1–2 признаёт трудность исправления языка; «Лунь юй» XIII.3 связывает именование с осуществимостью речи. Это поддерживает вопрос статьи о рабочей точности вместо требования идеального словаря. При этом Локк обсуждает средства познания, а конфуцианский фрагмент — управление. Общая практическая процедура предлагается авторами статьи, а не выдаётся за древнюю единую технику.

Первоисточники

1. Аристотель, «Об истолковании», части 1–4, перевод E. M. Edghill. Философский первоисточник: имя, знак и высказывание; эпиграф.

2. Jonathan Winawer et al., Russian blues reveal effects of language on color discrimination, PNAS 104(19), 7780–7785, 2007, DOI 10.1073/pnas.0701644104. Первичная экспериментальная работа; используется ограниченный результат цветового задания, не теория всей реальности.

3. Августин, «Исповедь», книга I, описание обучения речи, английский перевод E. B. Pusey, Gutenberg 3296. Первичный религиозно-автобиографический текст; слово, жест и ситуация. Не исследование детской выборки.

4. John Locke, An Essay Concerning Humane Understanding, III.II.1–2; III.XI.1–2, Gutenberg 10616. Первичный философский текст; передача идей и пределы реформы языка.

5. «Лунь юй», XIII.3, перевод James Legge, Gutenberg 3330. Конфуцианский первоисточник; имя, речь и управление.

6. «Дао дэ цзин», глава 1, перевод James Legge, Gutenberg 216. Даосский первоисточник; предел называния и ключевая цитата.

Теги

язык, восприятие, внимание, название, знак, категория, суждение, значение, контекст, общение, словарь, оттенки цвета, синий, голубой, языковые категории, Аристотель, Об истолковании, Августин, Исповедь, Джон Локк, Конфуций, Лунь юй, Дао дэ цзин, называние, роль, договорённость, метафора, свидетельство, наблюдение, пересмотр

Про авторов

Andrey Zarinsh — автор и основатель проекта United Wisdom. Исследует темы внутренней трансформации, единства традиций, межкультурного диалога и современной духовной дисциплины. Instagram: @andrey.zarinsh.

Maria Evilkut — соавтор United Wisdom. Помимо исследовательской работы, она стремится проверять эти идеи на практике и наблюдать, как принципы единства и взаимопонимания работают в реальной жизни между людьми и культурами. Instagram: @ilkutki.